

НАША СТРАНА

Год издания 73-й. Буэнос Айрес, 7 августа 2021

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, 7 de agosto de 2021

No 3155

СОВЕТСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ - ВЫСШАЯ ЦЕННОСТЬ РФ

Корень зла состоит не в том, что в РФ появился Путин. Он и его режим – закономерное развитие прежней, ещё советской, системы. И до тех пор, пока сохраняется госаппарат и старая, Совком ещё выкормленная, элита, когда национальная интеллигенция в России крайне малочисленна и разрознена, ничего принципиально иного и родиться не могло. Срезать Путина – значит срезать лишь побег, оставив корень сорняка в почве. И рано или поздно он даст новый плод в виде новых безумных или полубезумных диктаторов, войн и прочих советских ценностей, спроецированных на больной мозг советского животного. И обсуждать вероятность этого сценария едва ли есть смысл, ибо достоверность его была подтверждена опытным путем, на наших глазах.

В 1991 году СССР пережил Нео-Брест и Нео-Нэп – потерял значительную часть территорий, пошёл на либерализацию экономики и переименовался в РФ. Однако советский стержень – номенклатурная элита – остался прежним. И действовала она в соответствии с теми поведенческими моделями, которые сформировал классический Совок.

Для изменения режима в РФ нет самого главного: альтернативной элиты и мощной национальной интеллигенции, которая могла бы таковую породить. Стало быть, придётся работать над выращиванием этой национальной интеллигенции. Образно выражаясь, выкармливать из пипетки.

Правда, первый, аутентичный НЭП был куда естественнее и органичнее – по той очевидной причине, что со времён нормальной жизни прошло всего-то несколько лет, а все деятели экономического процесса сформировались при ней – не надо было ничего «вводить», «объяснять», «учить». Надо было только контролировать, то есть мешать. В начале 90-х ситуация была совершенно иная: надо было учиться нормальной жизни заново, практически с нуля. Но при господстве людей, которые родились и сформировались не при благословенном царизме, а при самом что ни на есть Совке.

Отсюда вся карнавальная пародийность и одновременно криминальность ельцинско-гайдаровского «рынка».

Если Сталин выдвинул идею построения социализма в одной, отдельно взятой стране, то во времена Путина вызрела новая идея: отныне главной ценностью является не ком-

мунизм и мировая революция. Отныне главной ценностью провозглашается самая советская идентичность как таковая. Советчина становится не ценностью, производной от сверхценности – коммунизма, она теперь увенчивает иерархию. Носитель советской идентичности является носителем абсолютного добра.

Так что коммунистическая угроза сегодня – это отнюдь не бабушки из КПРФ, скорбящие из-за того, что «Ленина свалили». Это СССР, он жив. Скукожившийся территориально и переименовавшийся в РФ, но так и оставшийся под властью советской номенклатуры и чекистов. Это неосоветский режим этого СССР-РФ, который, к тому же, одержим новой версией агрессивной национал-большевицкой идеологии, и обладающий, ко всему прочему, ядерным оружием.

Всё это можно было избежать, победи белые во Вторую Мировую. Из неё вышел победителем вовсе не "русский народ", а сталинский СССР, на этом народе рассевшийся. Огромные жертвы русского народа бесспорны, но являются основанием для памяти и скорби, а не для битвы в рельс неосоветской пропаганды.

Что получил этот русский народ за горы трупов и разрушения? Новый виток депотизма и продолжение убожества своего существования. "Праздновать" всё это – дикость и кощунство, настоящее язычество, победобесие. А помнить и знать максимально точно – несомненно нужно. Только вот победославие и знание – две вещи несовместные.

Ожидалось, что с началом вторжения Германии, русский народ восстанет, сметёт коммунистов и установит национальное правительство, которое вступит в переговоры с немцами. Или будет воевать против них – но уже с национальным правительством во главе. Но всё ограничилось массовым бросанием оружия и сдачей в плен в начале войны – в масштабах, невиданных в мировой истории, всё это в прифронтовой полосе.

Пассивный протест. Ну, а немцы могли бы скорректировать свою идеологию и пойти на создание массовой русской армии с самого начала, и некоего русского правительства, но не захотели.

Процесс деградации неумолим. За Путиным останется совсем уж пустыня. Германосоветская война представила последний реальный шанс.

Е. Фокин

ГУМИЛЁВ КАК ЗНАК ПОБЕДЫ СВЕТЛЫХ СИЛ

К 100-ЛЕТИЮ РАССТРЕЛА ПОЭТА-МОНАРХИСТА

«Гражданского мужества у Гумилёва было больше, чем требуется. Однажды на вечере поэзии у балтфлотцев, читая свои африканские стихи, он особенно громко и отчетливо проскандировал:

*Я бельгийский ему
подарил пистолет
И портрет моего государя.*

По залу прокатился протестующий ропот. Несколько матросов вскочило. Гумилёв продолжал читать спокойно и громко, будто не замечая, не удостаивая вниманием возмущённых слушателей.

Кончив стихотворение, он скрестил руки на груди и спокойно обвел зал своими косыми глазами, ожидая аплодисментов.

Гумилев ждал и смотрел на матросов, матросы смотрели на него.

И аплодисменты вдруг прорвались, загремели, загрохотали.

Всем стало ясно: Гумилёв победил. Так ему здесь еще никогда не аплодировали».

Сии слова о поэте-монархисте написала литератор Ирина Одоевцева (1895-1990).

Николай Степанович Гумилёв был расстрелян в августе 1921 года, за участие в монархическом заговоре, но его драматичная литературная биография на этом отнюдь не закончилась. В этом поэту помогли как современники, которые почти сразу же бросились писать о нём воспоминания, так и советская власть, которая, не допуская печатания стихов поэта, только раз-

жигала интерес к его творчеству.

Поэт погиб, когда многие его современники ещё были живы, и это позволило ему стать одной из самых популярных фигур мемуаров, пусть и не всегда заслуживающих доверия. Несколько интересных сюжетов, сложившихся вокруг имени Гумилёва после смерти, собрал в своей статье «Посмертные скандалы Гумилева» литературовед Роман Тименчик. Там излагаются, в частности, воспоминания современников о дуэли с Волошиным в 1909 году и о кратком увлечении Гумилёва Мариэттой Шагинян.

Сразу же после смерти Гумилёва стали появляться стихи, посвященные ему, например «Памяти Гумилёва» Ирины Одоевцевой:

*Мы прочли о смерти его.
Плакали громко другие.
Не сказала я ничего,
И глаза мои были сухие.*

Стихотворением памяти Николая Гумилёва в 1925 году отметил и его собрат по «Цеху поэтов» Сергей Городецкий. Правда, это произведение больше похоже на пасквиль, чем на эпитафию, поскольку его содержание сводится к критике покойника, отвергнувшего Октябрьскую революцию:

*Когда же в городе огромном
Всечеловеческий встал бунт,
Скитался по холодным комнатам,
Бурча, что хлеба только фунт.
И ничего под гневным заревом*

*Не уловил, не уследил,
Лишь о возмездье поговаривал
Да перевод переводил.*

В 1939 году вышла книга воспоминаний Владислава Ходасевича «Некрополь». В ней есть глава «Гумилёв и Блок» — единственный у Ходасевича парный биографический портрет в духе Плутарха. На фоне благоговейного изображения Блока Гумилёв у Ходасевича смотрится не слишком привлекательно, как мемуарист ни стремится утверждать обратное (одной фразы «В Гумилёве было много хорошего» уже достаточно, чтобы понять, что эти воспоминания не хвалебны). Главные черты Гумилёва, на которые обращает внимание Ходасевич, — это детскость характера и якобы склонность к бутафории.

«Но стоит мне закрыть глаза и представить себе Гумилева, Блока, Мандельштама, и я сейчас же вижу их лица, окруженные сиянием, как лики святых на иконах», — пишет в своей книге «На берегах Невы», вышедшей в 1967 году в Париже, Ирина Одоевцева. Неудивительно, что при таком отношении портрет Гумилёва в её исполнении получился куда более привлекательным, чем у Ходасевича, хотя первое её впечатление о Гумилеве отнюдь не лучшим образом характеризует его внешность: «Трудно представить себе более некрасивого, более особенного человека. Все в нём особенное и особенно некрасивое. Продолговатая, словно вытянутая вверх голова, с непомерно высоким плоским лбом. Волосы, стриженные под машинку, неопределённого цвета. Жидкие, будто молью траченные брови. Под тяжёлыми веками совершенно плоские глаза».

Но чем дальше, тем привлекательнее оказывается образ Гумилева: «Кто был Гумилёв? Поэт, путешественник, воин, герой — это его официальная биография, и с этим спорить нельзя. Но... но из четырёх определений мне хочется сохранить только „поэт“. Он был прежде всего и больше всего поэтом».

В итоге Гумилёв оказывается главным героем воспоминаний Одоевцевой: он упоминается в книге почти 1000 раз — втрое чаще, чем Осип Мандельштам, и вчетверо чаще, чем Александр Блок, не говоря уже о всех других.

Конечно, этим мемуарная литература о Гумилёве не исчерпывается.

По большей части она выходила в эмиграции: в Союзе Советских Социалистических Республик имя поэта фактически находилось под запретом, так что, для того чтобы упомянуть его в печати хотя бы в нейтральном ключе, требовалось немалое мужество. Да что говорить о мемуарах, когда полноценный доступ к стихотворениям Гумилёва был только у западного читателя, но не у советского. Посмертный сборник стихов Гумилёва под редакцией Георгия Иванова вышел в Петрограде в 1922 году, был переиздан спустя год (кстати, его, как и большинство прижизненных изданий поэта, можно полистать на сайте Российской Государственной Библиотеки: авторское право на него истекло) — и на этом публикация сборников Гумилёва в Советском Союзе прекратилась на 60 с лишним лет, если только не считать маленькой 60-страничной книжечки «Избранные стихи», изданной в Одессе в 1943 году во время немецкой оккупации.

Гумилев передавался из уст в уста и в самиздате. Можно вспомнить фрагмент из романа

Евгении Гинзбург «Крутой маршрут» (1967–1977), где она вспоминает о своих лагерных годах:

«Вот сегодня, например, мы заговорщическим шепотом выдаём друг другу Гумилёва. Как он утешает здесь! Как отраднo вспомнить здесь, на Эльгене, что далеко-далеко, на озере Чад, изысканный бродит жираф. Так и бродит себе, милый, пятнистый, точно ничего не случилось. Потом, перебивая друг друга, вспоминаем от начала до конца стихи о том, как старый ворон с оборванными нищим о **восторгах** вели разговоры. Это самое главное: уметь помнить о восторгах даже на верхних эльгенских нарах...»

Иногда цитаты из поэта в советское время удавалось обнаружить в самых неожиданных местах. Например, в 70-х годах в книге «Очерки о движении космических тел» известный специалист по механике Владимир Белецкий снабдил одну из глав гумилевским эпиграфом про изысканного жирафа и начал ее с такой фразы: «Автор считает эволюционные уравнения (6.7.8) весьма изысканными». А чтобы сделать связь между изысканным жирафом и изысканными уравнениями еще нагляднее, в книге есть рисунок Игоря Новожилова.

Впрочем, отсутствие полноценных сборников не могло не способствовать некоторой однобокости в восприятии Гумилёва. Недаром в обоих случаях, приводимых выше, цитируется одно и то же стихотворение про жирафа. Анна Ахматова в 1963 году возмущалась тем, что Гумилев остался в памяти у читателей именно как писатель-экзотист: «Невниманию критиков (и читателей) безгранично. Что они вычитывают из молодого Гумилева, кроме озера Чад, жирафа, капитанов и прочей маскарадной рухляди?»

Первая советская публикация Гумилева появилась в 1986 году. Это была подборка стихотворений в журнале «Огонек», составленная Владимиром Енишерловым и Натальей Колосовой. Публикация была приурочена к 100-летию поэта, а поскольку Гумилев родился в апреле, как и Ленин, то его стихи по иронии судьбы попали как раз в ленинский номер с портретом вождя мирового пролетариата на обложке. За подборкой последовали и собрания стихотворений: сразу несколько изданий Гумилева в 1988 году увидели свет в Москве, Ленинграде, Волгограде и Тбилиси.

У ортодоксального советского читателя возвращение Гумилева вызвало непонимание и возмущение. Владимир Енишерлов в 2003 году опубликовал несколько писем с отзывами на огоньковскую подборку — например, такое выразительное послание от 80-летней учительницы словесности из Пскова: «Уважаемый тов. редактор! Открыв 17 № „Огонька“ (я его многолетняя подписчица), с изумлением... гм, гм, прочла в нем материал „к 100-летию со дня рождения Н. Гумилева“ и даже узрела его портрет. Такой чести не заслужили в „Огоньке“ весьма многие художники и поэты (напр., никогда не помещали портрет Пастова). Что побудило Вас поместить этот материал, да еще со словами „жизнь его трагически оборвалась“? Гумилёв теперь уже мало известен широкому кругу читателей. Акмеизм, к которому Гумилёв принадлежал, был течением кратковременным и не столь уж заметным. Ни у Ленина, ни у Сталина — не знаю, как насчет Луначарского, — о нём никогда не упоминалось. А кого,

собственно, воспевал Гумилёв? Сильного европейца, завоевателя, властелина („Конквистадор“, „Старый бродяга“ и пр. и пр.). Не сродни ли эти „герои“ тем, кто сейчас насаждает в Африке апартеид? Гумилёв не трагически погиб. Он был расстрелян. Надо вспомнить, как билась наша страна в 1921 г. с голодом, разрухой, многочисленными заговорами, весьма опасными. А Гумилёв участвовал в заговоре, как тогда говорили, Таганцева. Уж вряд ли Дзержинский допустил бы обвинение невиновного: он был — Дзержинский! Словом, смею выразить свое мнение, этакая пропаганда поэзии и личности Гумилева в наше время необычайно обострённой идеологической борьбы некстати. И неужели не нашлось иного литературного материала для „Огонька“? Сомневаюсь. Думаю, что среди поэтов прошлого и настоящего нашлись бы имена с ярко выраженной общественной тенденцией. С уважением, Ксения Юльевна Розенталь (персональная пенсионерка республ. знач.)».

В 1991 году в Москве было переиздано 4-томное собрание сочинений поэта, изначально вышедшее в Вашингтоне в 1962–1968 годах под редакцией Глеба Струве, и тогда же появилось первое собрание сочинений, подготовленное на родине, — трехтомник, в котором самый интересный для читателя том — стихотворения и поэмы — составил известный литературовед Николай Богомолов.

В 1998 году начало выходить полное собрание сочинений Гумилёва в 10 томах. Правда, уже из 5-го тома, вышедшего в свет в 2004 году, упоминание о 10 томах исчезло с титульного листа, и в итоге в 2007 году издание завершилось на восьмом томе. В издании местами встречаются типографские огрехи, а комментарии к произведениям очень неравноценны: иногда в них находишь сухую сводку фактических деталей, а иногда — обстоятельное литературоведческое исследование. Но, как бы то ни было, за тридцать лет, прошедших с возвращения Гумилёва, российский читатель оказался вполне обеспечен изданиями его трудов.

И, конечно, говоря о собраниях сочинений, нельзя не упомянуть сайт gumilev.ru, созданный Александром Курловым, где собрано огромное количество материалов, связанных с Гумилёвым: это и его стихи, и воспоминания о нем, и переводы его стихов, и аудиозаписи, и многое другое. Более свободные любители, настроенные независимо, которые не тянулись к плоскому и лживому „социалистическому реализму“, вспоминают, что публикация стихотворений Гумилёва казалась свежим глотком свободы. Действительно, запрет печатать поэта, который всем своим творчеством был противоположностью Совку и советчине, (вспомним, в частности коротенькую эпиграмму на переименование Царского Села в Детское Село) был вершиной мотивированного цензурного абсурда, и его падение стало символическим событием.

Про том Гумилёва, вышедший в 1988 году в серии «Библиотека поэта», критик Андрей Немзер спустя 16 лет вспоминал: «Гумилёв как знак победы светлых сил».

Если России суждено возродиться, то только под знаком таких её верных сынов как Николай Гумилёв.

Ф. Сергеев

КАЛИТА

Ольга Эдельман авторша книги «Император I и его эпоха» открывает то, о чём «НС» пишет более 70 лет:

«Я наудачу рассмотрела несколько дел Третьего Отделения, связанных с конфликтами помещики-крестьяне. Обнаруживается, что система совсем не такая как её рисовали. И надо заново исследовать параметры этой системы отношений».

Потому что абсолютная неправда, например, что Николай на стороне помещиков-крепостников. В той полудожине дел, которые мы наугад выгащили, помещик угнетает своих крестьян, крестьяне бунтуют, дело доходит до Николая и жандармов, приходят жандармы и категорично ставят на место помещика».

Историкам — как и поэтам — надо следовать совету Ходасевича «иметь глаза» и «ждать, смотря в упор, как брызжет свет, не застывая ночи».

Крестьянин, философ, чадо Катакомбной Церкви А. Е. Перепеченых так описывает 37-ой год: «В это время появилось весьма громкое имя Ежов. Сам от горшка два вершка, а рисовали его в газете громадную личность, поднявшим могущественную руку в ежовой рукавице. Коммунисты дали понять, возьмём под ежову рукавицу всех инакомыслящих, инакодышащих, инаковзглянувших и всех экстремических и религиозных и политических взглядах. Особенно покончить с предрассудком религиозного прошлого. И создать свою веру в супостата, веру в коммунистического будущего рая. И пошла ожесточённая борьба, сплошные аресты не то что ща голосование, а и где кто проговорится в слове против власти и всякое недовольствие на власть». («У Бога камни возопиют». Москва, 2013).

Когда остатки разбитой Белой Армии эвакуировались из Новороссийска в Крым, ситуация выглядела безнадежной. Красные уже подходили к Перекопу, Деникин утратил доверие бойцов и объявил, что отказывается от руководства.

Вместо армии в Крыму высадились деморализованная толпа, потерявшая артиллерию и лошадей. Руководить, собственно, было нечем. Союзники-англичане нанесли удар в спину, предъявили ультиматум: или белые сдаются большевикам, а Европа похлопочет об амнистии, либо больше никакой помощи.

Ллойд-Джордж открыто выступил за признание советской власти как единственной реальной силы, с которой в России можно иметь дело.

И здесь судьба послала белым несколько бесценных подарков.

Во-первых, поляки пошли в наступление на Советы — и очень успешно, так что Троцкому пришлось срочно перебрасывать с нашего направления войска. Во-вторых, подобно суду на Марне, случилось чудо на Перекопе: белые отшвырнули от перешейки красные полчища.

А третья и главная удача — Врангель. Такого вождя у белых ещё не было. Человек огромной силы воли и неистощимой энергии. Маневренный, гибкий. Когда нужно для дела — твёрд, когда не во вред делу — милосерден. Он был в высшей степени наделен талантом организовывать окружающую среду. За короткий срок он совершил невероятное: искоренил мародерство, вернул дисциплину, восстановил Русскую Армию.

П. Савельев

Николай Казанцев

МОЯ ПЕРЕПИСКА С АЛЕКСАНДРОМ СОЛЖЕНИЦЫНЫМ

5.

Буэнос Айрес, 28 сентября 1984

Дорогой Александр Исаевич!

Ничего в жизни я не испытывал так остро как постоянное, щемящее стремление «вернуться» в Россию. Хотя бы только разок прикоснуться к русской земле. Помню себя 5-6 летним ребёнком играющим с красным револьвером из пластмассы и – совсем всерьёз – расспрашивающим отца: как можно перейти границу, чтобы драться там за нашу свободу.

Я было поставил себе срок – в 12 лет уйти из дому и пробираться «туда». Затем я отложил затею до моего 15-летия; затем решил: «Когда мне исполнится 18». Но когда стукнуло 18, я пошёл работать, помогать семье... и до сих пор я свой обет не исполнил. Однако, знает Бог – лишь потому, что не знал как.

Конечно я мог бы поехать туристом, но родители мне внушили, что нельзя испрашивать визы у палачей своего народа и я этого придерживался; хотя и наверняка поехал бы, коль послали бы меня в служебную командировку. Два раза (в 1978 и олимпийском 1980) такие командировки в последний момент отменялись аргентинским правительством.

И вот теперь, международная журналистическая организация пригласила меня принять участие в 10-дневной "рабочей поездке" по России. Разумеется – я спать ночами не могу от одной этой перспективы. Вот только ещё опасение: советчики могут визу мне не дать, благо в Аргентине мои антикоммунистические взгляды и деятельность хорошо известны. Однако моя виза, в числе других, испрашивается этой организацией в США. авось, среди прочих, проштемпелюют и мой паспорт...

В 1978 году А. Г. Макриди чрезвычайно встревожился узнав о моём намерении и сулил мне прямо-таки гибель. Думаю, что он преувеличивал. Так вот, в преддверии моего «возвращения» туда, где я никогда не был (но откуда словно бы никогда и не уезжал), я прошу Вас научить меня: как можно извлечь из этой поездки наибольшую пользу для дела? Что взять с собой, что делать, куда пойти? Может быть я сгодился бы в виде одной из Ваших «невидимок»?

Прилагаю фотокопию моего, - увы не длинного, - маршрута. На случай если у Вас найдутся указания, которые Вы не пожелаете доверить почте, то примите во внимание, что я наверное буду лететь туда через Нью Йорк.

С волнением и большим душевным теплом всегда вспоминаю проведенное с Вами время. Спасибо! Тысячу раз спасибо, дорогой Александр Исаевич! Кланяюсь Наталье Дмитриевне. Храни Вас Бог. Ваш
Н. Казанцев

7.10.84

(от руки)

Дорогой Николай Леонидович!

Был очень рад Вашему письму, хотя хотел бы узнать из него больше: какую работу Вы нашли, как устроились? Как живёте?

Вы так быстро пронеслись, я не сообразил подарить Вам большое собрание сочинений, потом узнал из конторы ИМКИ, что Вы были подписаны на тома 1-4, потом 10-14. Распорядился, чтоб они выслали Вам 5-9 и в будущем 15-18 (так что – больше не подписывайтесь). Дошло ли это до Вас?

О проекте нынешней Вашей по-

ездки. Да если в общей компании Вас пропустят – так отчего же? – езжайте. Конечно будет для Вас большое переживание походить своими ногами по русской земле, хотя так изгаженной. Ваша любовь к России заслуживает пищи. Но маршрут будет очень стеснять Вас.

Самарканд – лишь экзотика (очень живописная!), в Ташкенте только часть города русская – от советского центра в сторону ул. Жуковской и других с нею полукольцевых. В Петрограде – всё на месте, как было и в проклятый 17-й год (кой-где, не в центре, построили высотные гостиницы, портящие вид. А в Москве очень много обезображено, только местами можно угадывать прошлое – например в переулках – от Сивцева Вражка в сторону Пречистенки («Кропоткина») и до Остоженки («Метростроевской»).

Ну, бульварное кольцо местами сохранилось, кое-что по обе стороны Мясницкой («Кирова»). Без знающего старожил многого не увидите. А посмотрите – вид нынешних людей, лица.

Хотя и в составе такой группы – но будьте крайне осторожны, за каждым Вашим шагом будут следить, а простым людям на улице разговаривать с вами о чём серьёзном – опасно, правды не скажут.

Вашего участия в «Н. Стране» могут и не знать, и прямой провокации не будет – но не попадайтесь на неосторожном шаге. Что уверенно можете везти – 1 экз. Библии и 1 Евангелие (мол - «нуждаюсь сам каждый день») – а там кому-нибудь подарите, к ним жажда.

Не хочу рисковать ни Вами, ни своими друзьями, и не предложу Вам никаких встреч, никаких адресов, хотя мог бы много. Получите первое впечатление – а когда-нибудь попутешествуем по коренной России, и не в таких условиях.

Мы с Н. Д. сохраняем лучшие воспоминания о Вашем приезде, хотя мало пришлось поговорить, Помню своё обещание: никогда Вас не забыть, вспомнить во-время. Хорошо, что не переходите на шесть страниц, а лучше подкиньте помощь усердным сотрудникам. В январе пришлю помощь газете (не спроводились Вы, на что-нибудь советское подписаться, да разрабатывать?) Мой добрый привет Вашей жене.

Жму руку. Ваш

Солженицын

А чем занимается Новицкий? Раевский?

Буэнос Айрес 30 ноября 1984

Дорогой Александр Исаевич!

Виду очередного ухудшения американо-советских отношений всей нашей группе отказали в визах! Снова провалились надежды...

Однако вместо этого, меня пригласили на конгресс журналистов в Токио, что вышло весьма мне на руку: я воспользовался поездкой, чтобы попытаться достать корреспондентство в вашингтонских радиостанциях. Дело в том, что изгнан меня из государственного телевидения, теперь меня выкурили и из «частного» (на самом деле вовсе не независимого и пляшущего под дудочку правительства).

Людмила Фостер по видимому удалось меня пристроить корреспондентом вашингтонского испаноязычного Радио Марти. Пыталась она проделать аналогичное и с «Голосом Америки». Но тамошний заведующий отделом, некий д-р Марк Помар, что-то отвиливает. Фостер же обещала на него нажимать и дальше. Также хочу попытаться стать буэнос-айресским корреспондентом «Свободы». Если бы всё это удалось, то моё положение поправилось бы. А то здесь, в Буэнос Айресе, работу найти пока не удаётся.

Большое спасибо за тома 5-9, уже полученные, как и за 15-18 в будущем. Я искренне тронут Вашим вниманием. Спасибо и за комментарии о поездке, увы, не состоявшейся.

Новицкий пытается обработать арабов, чтобы получить от них средства для ведения крупной антикоммунистической работы. Мне сдаётся, что он фантазирует. Раевский же сейчас отбывает воинскую повинность в швейцарской армии, но в свободное время занимается отсылкой материалов в Россию.

Вашу предыдущую помощь мы решили частично бросить на подкрепление одного из самых слабых флангов «Нашей Страны»: реклама для распространения. Постараемся и подписаться ещё на что-нибудь советское.

А уже и до 10 декабря не так много осталось. Поздравляю Вас, дорогой Александр Исаевич, с наступающим днём рождения и желаю Вам всего самого светлого и лучшего.

Глубоко благодарю Вас за повторение обещания: вспомнить меня во время. Этими-то словами я фактически и живу.

Сердечный привет дорогой Наталье Дмитриевне и Игнату.

Крепко жму Вашу руку.

Храни Вас Бог. Ваш

Н. Казанцев

Марк Помар - внук протоиерея Михаила Помазанского, автора одной из первых книг о Новомучениках Российских - но ценности у него были иные. Людмила Фостер - литературовед, сотрудница "Голоса Америки" и активная деятельница Конгресса Русских Американцев.

25.12.84

Дорогой Николай Леонидович!

Да, жаль-жаль, что не удалось Вам глянуть сейчас на родину (и какие уж такие «напряжённые отношения», когда опять лепят «разрядку»? – но будем надеяться, что Вы ещё будете достаточно молоды и в силах, когда поедете туда не на две недели и не наблюдателем, а работником. Я, разумеется, всегда буду помнить моё обещание Вам.

Вот что Вы сейчас без работы остались – это тяжело. По «Свободе» ничем не возьмусь Вам помочь: это – гнездо, целиком захваченное врагами России, тщетно я пытался туда кого-нибудь устраивать – всё провалилось, им нужны только «свои». А русская секция «Голоса» – она нигде не держит особых корреспондентов, кроме как одного в Европе: все новости из всех стран они, по своему устройству, получают от основного английского «Голоса» и переводят на русский, когда надо. Помар сейчас и ушёл с русской секции, правда поднялся выше. Будет случай – замолвлю словечко, но надежда очень малая.

Сейчас посылаю два чека: один для «Нашей Страны», второй – для Вас лично, и прошу Вас ни в коем случае не отказываться: это – помощь от Русского Фонда Вам в тяжёлую минуту, для нас она не составляет трудности, а Вы для России ещё не раз отработаете в будущем. Пожалуйста не проявите ненужной гордости, прошу Вас.

О переводах меня на испанский. В данную минуту – не ведётся, кажется, конкретных переговоров с каким-либо испанским издательством (у меня с испанским печатным миром сильно испорчены отношения моим выступлением в Испании весной 1976 – но, однако, они могут возникнуть в любую минуту, и секретарша Клода Дюррана Наташа Шмеман знает, что надо обратиться к вам и знает Ваш адрес. И призываю Вас в таком случае – братья без сомнения.

До сих пор на испанском из меня – каша неразборная, читать нельзя, переводили люди, не знающие русского (например переводчики реклам), кажется единственный порядочный перевод – «Телёнок» Ламсдорфа, да несколько публицистических статей, переведённых покойным Габриелем Амиама. И не ставьте перед собой задачи передать все тонкости языка и художественных особенностей: на фоне предыдущих переводов, достаточно, если Вы переведёте точно смысл, ритм фраз.

Поздравляю Вас и Михаила Владимировича с Новым Годом и с нашим (старым) Рождеством! Наталья Дмитриевна шлёт Вам теплые пожелания – и Вашей семье от нас.

Ваш

Солженицын

Есть у Андрушкевича перевес в использовании Ортега и Гарсия, в России его знают мало, надо бы опоры на разных авторов. В № 1792 – откуда данные о начале кишиневского погрома? В таких случаях надо непременно давать ссылку на источник, это очень важно, а без этого ничего не стоит.

Повидимому писатель нарочно иронически искажил фамилию испанского философа Ортега и Гассет. Что касается переводов его книг на испанский язык, то А. И. мне предложил взяться за этот труд при моём посещении Вермонта в апреле 1984 года.

Волею Божией 5 августа 2021 года в Миннеаполисе, США, на 90-м году жизни, скончался церковно-общественный деятель, издатель электронного журнала "Верность", сотрудник "Нашей Страны", основатель Общества Митрополита Антония

ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ СОЛДАТОВ

о чём с прискорбием извещает редакция газеты и выражает своё глубокое соболезнование вдове, брату и всем родственникам усопшего. Вечная память и вечный покой верному сыну Исторической России.

ЦАРСКИЙ ОФИЦЕР, ХРАБРЫЙ МОНАРХИСТ

День кончины Николая Гумилёва нам известен только приблизительно - начало августа 1921 года. Но теперь, благодаря открывшимся документам, известно место кончины - поселок Бернгардовка близ Всеволожка под Петербургом. Известны и обстоятельства кончины.

Можно утверждать, что Николай Степанович Гумилёв принял смерть как убеждённый монархист, как царский офицер. И можно сказать, что это была та смерть, которой он искал, которую предсказывал, о которой мечтал.

О его безоглядной храбрости на полях сражений в годы Первой Мировой войны вспоминали не только сослуживцы. Свидетельства о том, что он не страшился смерти и готов был умереть за Своего Государя мы находим в его "Записках кавалериста".

Гумилёв пошёл на фронт добровольцем (в то время, когда многие искали "открепительных билетов"), был назначен в маршевый эскадрон лейб-гвардии, полка, шефом которого была Императрица Александра Федоровна. "И святой Георгий тронул дважды, пулями нетронутую грудь" - 13 января 1915 года он был награжден Георгиевским крестом 4 степени, 25 декабря 1915 года награжден Георгиевским крестом 3 степени.

Революция застала Гумилёва за границей, и он вполне мог не возвращаться в большевизскую Россию. Но он вернулся в Петроград и принял участие в "заговоре Таганцева".

При этом всё-таки вел себя, как поэт - не скрывал своей причастности к какой-то тайной организации, открыто крестился, снимая шапку перед каждым питерским храмом, вызываясь разговаривать с "новой публикой", на одном из своих поэтических вечеров, когда ему из зала задали вопрос "каковы его политические убеждения", он бесстрашно ответил: "Я - монархист". Вскоре он был арестован.

Документы свидетельствуют, что и на следствии Гумилёв не изменил себе. И принял смерть "не на белых простынях", а от "пули, которую в темные ночи готовил рабочий" - всё, как предсказывал в стихах.

Николаю Гумилёву приходилось встречаться с Царственными Мучениками лично. В 1916 году он нахо-

дился на излечении в одном из Царских лазаретов, который посещали Сёстры Романовы (так называли себя Великие Княжны, исполнявшие вместе с Августейшей Матерью работу сестер милосердия).

Так же, как и большинство солдат и офицеров, имевших счастье встречи с Императорской Семейю, Гумилёв испытывал к ним благоговение и настоящие верноподданнические чувства, которое он выразил в стихотворении, с длинным названием - "Её Императорскому Высочеству Великой Княжне Анастасии Николаевне ко дню рождения"

*Сегодня день Анастасии,
И мы хотим, чтоб через нас
Любовь и ласка всей России
К Вам благодарно донеслась.
Какая радость нам поздравить
Вас, лучший образ наших снов,
И подпись скромную поставим
Внизу приветственных стихов.
Забыв о том, что накануне
Мы были в яростных боях,
Мы праздник пятого июня
В своих отпразднуем сердцах.
И мы уносим к новой сече
Восторгом полные сердца,
Припоминая наши встречи
Средь Царкосельского дворца.
Препорщик Н.Гумилёв*

Это стихотворение (которое, пожалуй, мог бы написать любой грамотный офицер) не отличается особой поэтичностью и недаром подписано воинским званием, - здесь "король поэтов", которым Николай Степанович вскоре станет для петербургских любителей поэзии, явно себя умалил, упростил.

А вот в знаменитом стихотворении "Мужик", написанном через год после поэтического подношения Царевнам (было еще и посвященное Ольге Николаевне, но оно утрачено) звучат раздумья уже другой (увы большей) части России, верноподданнические чувства которой были поколеблены злонамеренным мифом о политическом влиянии Распутина. (Он "обворожил" Императрицу Александру лишь тем, что силою своего гипнотического дара мог спасать истекающего кровью Наследника. Любая мать была бы одинаково "обворожена").

*В чащах, в болотах огромных,
У оловянной реки,
В срубках мохнатых и темных
Странные есть мужики.
Выйдет такой в бездорожье,
Где разбежался ковыль,
Слушает крики стрибожьи,
Чуя старинную быль.
С остановившимся взглядом
Здесь проходил печенег...
Сыростью пахнет и гадом
Возле мелеющих рек.
Вот уже он и с котомкой,
Путь оглашая лесной
Песней протяжной, негромкой,
Но озорной, озорной.
Путь этот - светлы и мраки,
Посвист разбойный в полях,
Ссоры, кровавые драки
В страшных, как сны, кабаках.
В гордую нашу столицу
Входит он - Боже спаси! -
Обворажает Царицу
Необозримой Руси.
Взглядом, улыбкою детской,
Речью такой озорной,
И на груди молодецкой*

*Крест просиял золотой.
Как не прогнулись, - о, горе! -
Как не покинули мест
Крест на Казанском соборе
И на Исаакии крест?
Над потрясенной столицей
Выстрелы, крики, набат.
Город ощерился львицей,
Обороняющей львят.
"Что ж, православные, жгите
Труп мой на тёмном мосту,
Пепел по ветру пустите...
Кто защитит сироту?
В диком краю и убогом
Много таких мужиков,
Слышен по дальним дорогам
Радостный гул их шагов.*

В этом стихотворении Гумилёв, как всякий большой поэт, выразил полифонию чувств и мнений своего времени, которые, кстати сказать, дожили и до наших дней.

В стихотворении нет однозначной оценки Распутина, есть только верное чувство: он - воплощение всей мужицкой Руси. Её Бог, её крест, совсем не тот, что живёт в представлении прихожан "имперских соборов" (недаром назван Казанский и Исаакий), её сила несокрушима, - и поэт тут вовсе не на стороне тех, кто "жгёт на тёмном мосту труп" Распутина. Он как бы пророчествует (вслед за самим Распутиным, не зная, вероятно, об этом), что вслед за его смертью придут, уже идут "по дальним дорогам" дикие орды с "остановившимся взглядом", что они сметут ту Россию, которая принадлежала "Царице необозримой Руси".

Однако, и пророчествуя о наказании за гибель Распутина, поэт не видит в нем святого, подвижника, он вслед за большинством "просвещённой публики" считает его, вышедшим из "страшных, как сны, кабаков", хотя в отличие от этого большинства, всё же признаёт в этом только одну сторону русской мужицкой души, для которой "путь этот - светлы и мраки", то есть рядом с мраком, или противоборствует мраку - свет.

Вопрос "Кто такой Распутин?" остается открытым. Но свидетельством того, что Гумилёв после революции, несмотря на сомнения по поводу Распутина, не изменил своей любви к Империи могут служить не только перечисленные в начале этой заметки факты, но и две строчки из пожалуй самого знаменитого его стихотворения "Заблудившийся трамвай", написанного незадолго до смерти:

*Верной твердынею православья
Врезан Исаакий в вышине.
Там отслужу я молебен о здравии
Машеньки и панихиду по мне.*

Упоминание именно Исаакия здесь (как и в стихотворении "Мужик") является знаковым, - уходя из жизни (поэт предчувствовал это), он прощается именно с той Россией (в стихах не только у Гумилёва, но и у Блока, Ахматовой, Мандельштама Исаакий - один из символов Императорской России), которой он служил, за которую готов был положить свою жизнь на войне и, с памятью о которой, вступил в Вечность.

Людмила Ильюнина

БЛЕФ

В недавней статье В. Путина привлекло внимание его признание, что большевизм разрушил территориальное единство России и сделал наш народ объектом экспериментов. После таких слов логично было бы предположить, что большевизм и его деятели будут официально осуждены, или по крайней мере больше не будут предметом почитания, а политика по отношению к отколовшимся регионам бывшей Российской Империи будет на-правлена на воссоединение частей разрушенного государства, на восстановление сей «исторической общности».

Но, разумеется, Путин такой логике и не думает следовать. Ведь все годы путинского правления наследие большевизма, наоборот, всячески поддерживалось и пропагандировалось, а отдельные попытки снизу, со стороны народа, убрать имена членов ленинской банды убийц, хотя бы из топонимики, решительно пресекались (вспомним хотя бы чем кончилась совсем недавняя тарусская попытка).

Подкармливание же якобы «дружественных» отколовшихся от бывшей Российской Империи новоявленных «государств» все путинские годы неизменно происходило несмотря на злостное истребление в них самой памяти о государственном единстве, пропаганде ненависти к наследию исторической России, уничтожении русской культуры и притеснении русскоязычного населения.

По отношению к Украине эта поддержка прекратилась лишь после "оранжевой революции" 2014 года. Но абсолютно такая же, как украинская, политика белорусских (Лукашенко сделал для «дерусификации» гораздо больше, чем местные национал-диссиденты) и казахских властей, до сих пор не только не встречает противодействия со стороны Путина, но усмиряются и дезавуируются те деятели, которые позволяют себе высказать по отношению к ним те же чувства, что в путинской статье.

Ясно, что для Путина нет необходимости покончить с советским наследием и восстановить, правопреемство от исторической России.

Итак, как всегда, даже самые «знаковые» путинские слова в таких вопросах ровно ничего не значат и ни в какие практические действия никогда не выливаются. Всякие вообще действия, если и случаются, неизменно вызываются не базовыми соображениями, а обстоятельствами момента.

Это всегда либо блеф, либо потребность словесно «уравновесить» ожидания разномыслящих общностей.

П. Бондаренко